

филологические различия доведены до ма́стерского ремесла. Слово обретает объективность вещи. Сам же схоласт становится изготовителем слова - вещи, преобразующим слово в вещь, а вещь представляющим в виде слова. Не здесь ли находится возможная точка средостения демиурга-созерцателя и схоласта-элоквиента, в условиях «официального» средневековья так и не осуществленного?! Мне важно отметить самое возможное такое взаимное обращение: вещь в слово и наоборот⁴². Если созерцательный опыт Оксфордской школы и схоластическое умствование Альберта — Фомы — это, по преимуществу, XIII столетие, то герметическая (алхимическая) традиция пронизывает все средневековье целиком; от александрийской позднеэллинистической темени до оккультных увлечений возрожденцев. Слово схоластов и вещь оксфордцев так бы и не слились воедино. Спор о кроте так бы и остался не разрешенным, если бы не алхимия, встрянувшая всем своим более чем тысячелетним существованием в тот же самый спор — Есть ли у крота глаза?⁴³

Алхимик — прежде всего космический демиург, оперирующий с микробрами и с микровещами златоделия, с вещью и понятием по поводу вещи. Духовное и телесное вместе, но с очевидным акцентом на телесное. Духовно-телесный кентавр.

Вместе с тем алхимическое деяние не рефлексировано. Алхимический Сезам оказался той совершенно секретной лабораторией, в которой был синтезирован словесно-вещный монстр, пародийно избразивший коллизию спора о кроте, не допуская в свой герметический мирок непосвященных.

Но... вернемся к спору о кроте и его глазах. Критика со стороны эмпирии — ощутимой достоверности и проверяемой воспроизводимости — ничто. Аргументы такой критики совсем даже не аргументы. Только слово. Оно и предмет, и цель одновременно. Оно достойно само по себе и в подтверждении извне не нуждается. Оно и есть единственная реальность, а вовсе не плод воображения. Слово как конструктивный материал. Священный текст как предмет комментирования. Это схоластика, изошряющая рефлексирующий ум, исподволь готовящая логический аппарат новой науки. А представлена она преимущественно послушниками ордена святого Доминика и наиболее завершенным, и лишь потому самым уязвимым образом, Фомой Аквинским. Садовник же — опытно-созерцательная ипостась познающего ума. Это оксфордцы, послушники ордена святого Франциска: Роберт Большоголовый, Роджер Бэкон... Оксфордцы — это прежде всего опыт, созерцательное наблюдение, пристальное внимание к сотворенной вещи, которую можно и должно рукотворно преобразовать и пустить в практическое дело, ни в коем случае не покушаясь на созидание глобальных идеализаций, ибо в послед-

⁴² Этой мыслью я обязан В. С. Библеру.

⁴³ Правда, и алхимическое разрешение этого спора оказалось мнимым; но важно, что все-таки разрешением.